

Любимая фотография актрисы и модели Егоровой — в платье от Азаро. Не знаю, на чьи широченные плечи рассчитывал французский модельер, но, когда на показе Ольга глубоко вздохнула, платье стало с нее сползать. В нем у Егоровой агрессивный вид — Азаро делал свою коллекцию для женщин-покорительниц. На самом деле застенчивая провинциалка из Мытищ и выпускница Щепкинского театрального училища Егорова — никакая не “людоедка” и не “вамп”. Это только ее внешность пришлась “в жилу” в конце XX века. А сама она чувствовала бы себя комфортнее в XIX. Слово сбежала из заросшей сиренью дедовской усадьбы в “актерки”... В школе ее дразнили “цаплей”, и она стеснялась слишком длинных ног. Рост — 180 см. Прочие параметры: 90—62—92. Лишние сантиметры на пути к золотому стандарту “90—60—90” сбрасывает легко, но неохотно: выглядит излишне худощавой. Эта способность без проблем регулировать вес пригодилась для роли Полины в кинодилогии Евгения Матвеева “Любить по-русски”. В первом фильме у Полины все хорошо и она пухленькая. Во втором — все время страдает, сердится и злится. Вот и похудела.

— Этим летом продюсер-американец предложил сняться в фильме по Джеку Лондону. Действие происходит в Сан-Франциско, который еще только отстраивается, героиня — русская девушка. Я, правда, этого рассказа не нашла. На пробе читала Ахматову с такой слезой, что он, бедняга, сидел, как на гвоздях, хоть русского не знал абсолютно и общались через переводчицу. Он заинтересовался. Я начала зубрить язык. Потом получила приглашение в Париж: требование, мол, творческого процесса. У американца в Париже оказался дом, где в древности проходили рыцарские турниры. Все было очень пристойно, но работой и не пахло. Через третьи руки узнаю, что на самом де-

ле он искал в Москве жену, к тому же непременно — актрису.

— Чем плохо? Дом в Париже...

— Чтобы уехать, надо... пускай не любить человека... но хоть его понять. К тому же ему — 52 года!

— А мужчин какого же возраста ты выбираешь?

— Молодых душой. Не самодовольных и не самодостаточных.

Я с детства мечтала танцевать. Но в хореографическое училище не приняли. Поскольку я была выше всех на голову: “Посмотрите на эту девочку... на ее ножку... Какой мальчик ее поднимет?”

Где мальчик, который меня поднимет? Вот мой главный критерий мужчины. Чтоб носил на руках и удержал бы.

Моск. Кин. вои. фил. — 1988 — 14 апр. 85

РОКОВАЯ ПИОНЕРКА ЛЮБИТ ПО-РУССКИ

Актриса
Ольга
ЕГОРОВА:
“Сисечки
покажем,
но чуть-
чуть...”

— Я тогда еще работала в театре, и предстояло сниматься в кино. И вдруг — всюду по вагонам развешана! Поэтому с рекламой завязала. Недавно предлагали контракт со стиральным порошком — отказалась наотрез. Представляете, три ролика! Несколько лет они будут крутиться, крутиться... мое лицо всем глаза намозолит... Я сказала: “Спасибо большое, но только если за пожизненное обеспечение”.

Почти закончен уже третий фильм “Любить по-русски”. Лужков дал денег, но их хватит только, чтобы расплатиться с долгами по студии. Дай бог, заплатили бы съемочной группе. А актерский гонорар — неизвестно, когда уж будет.

Уже став актрисой театра им. Моссовета, вышла замуж за студента “Щепки”. Он был ее первым мужчиной.

— Когда родилась Аленка, Игорь постепенно оказался как бы в стороне. Потому что брак и ребенок лежали на моих плечах и на плечах его родителей. Я очень рано начала работать, чтобы не чувствовать себя зависимой материально... А когда развелись, ушла с дочкой на съемную квартиру.

— Получился театральный ребенок, всосавший прелести сцены и гримерки с молоком матери?

— Да. И театральные дрязги, и обиды. Мишель Легран приехал ставить в Театре им. Моссовета музыкальный спектакль. На свою музыку. Сам отобрал актеров: “Ты! Ты!” Я получила главную роль! Но Аленке был только месяц, и, несмотря на уговоры, руководство театра сочло, что я не справлюсь. Меня распределили 3-м составом. Это значило: очередь дойдет, только если кто-нибудь сломает ногу или умрет. Я перестала участвовать в репетициях. А через полгода одна из актрис действительно... сломала ногу. Но было уже поздно.

— Тебе бывает уютно в роли модели? Ведь ты — актриса с театральным образованием.

— Сначала было не по себе. Мне сделали “book”: альбом роскошных фотографий. И я стала участвовать в кастингах — отборах. Казалось, что совсем для этой работы не подхожу. Не умела ходить по подиуму. Здесь не требовалось того, что могла выдать как актриса. Но вообще-то на подиуме смотрятся девочки, у которых внутри что-то имеется. Мозги. Или душа.

Ольга снималась в 14 рекламных роликах. Иногда вместе с дочкой. На заре отечественной рекламы была “лицом” одной фармацевтической фирмы. А потом кадры из ролика без предупреждения появились в метро.

В Театре Советской Армии режиссер Леонид Хейфец собрался ставить “Маскарад”: “Мне такая актриса нужна на роль баронессы Штраль!” (Она закручивает всю интригу.) Наобещали с три короба. Другая бы не поверила: “Вначале — дайте”. А я обрадовалась: “Правда?” Словом, перешла в Театр Советской Армии, но получила всего лишь студенческую ставку.

— А какие отношения были с “примами”: Касаткиной, Сазоновой, Чурсиной?

— Прима — это когда на актера поставлен звездный спектакль. А они были популярными актрисами, старой гвардией. Играли главные роли, но — в слабых спектаклях. Почти в канун премьеры нашего выношенного, вылюбленного “Маскарада” (репетировали 2 года) мне объявляют: баронессу Штраль хочет сыграть сама Чурсина. А ты переходишь во второй состав. Она не растрчивала энергию в пустоту, как делала я по неопытности и молодости. А я смотрела со стороны — и глотала слезы.

А потом у Чурсиной что-то с Хейфецем не заладилось, и режиссер опять поставил меня. Но уже не было куража, а только неимоверная боязнь. Хейфец пытался меня взбодорить. “Вбей шило”, чтоб раскрылась вновь.

— Как “вбивалось шило”?

— Пытался запатировать меня непристойными выходками. Хватал за грудь: “Это не то, что должно быть у настоящей женщины!” При партнерах! Однажды я не выдержала. Крикнула на весь зал страшным голосом: “По-о-длец!” После чего ушла рыдать в гримерку.

Такими же садистскими приемами студентов тормошили и в родной “Щепке”. Думаю, преподаватели отыгрывали на нас. Меня шлепали по лбу и ниже спины, бросались табуретками и стульями, обзывали фригидной и еще как угодно.

Дело в том, что на втором курсе я вдруг начала расти. Вширь. Бюст вырос до 4 размера. Бедра раздались (позже, сделавшись старше, раз и навсегда похудела). А голос и отношение к жизни остались у меня пионерские. Педагоги давали мне роли роковых женщин. Требовали от меня обольстительности. Я не понимала... Играла голосом, вызовом. А надо было — бюстом...

“Маскарад” получился неудачным. С началом следующего сезона Егорова потихоньку рассталась с Театром Советской Армии, где ее уже никто не удерживал. И плавно перетекла на “Мосфильм”. Впереди ожидало участие в фильмах Евгения Матвеева и работа в агентстве моделей.

Ольга поведала, кстати, — Матвеев, даром что поборник традиций а-ля рюс (“Любить по-русски”, хоть тресни, навязчиво ассоциируется у меня с известным слоганом “В СССР секса нет”), тоже не прочь был снять “обнаженку”. Но дружно запротестовали Польских, Удовиченко и Егорова. Наотрез отказались: “Сисечки немножко покажем — остальное нет...”

Ей бы белое холстинковое платье Заречной, кружевной зонтик в руки — и обратно, в затерянный уезд прошлого столетия. А вокруг — съемочные дни, черный нал, режиссеры-охальники... Несовпадение получается. Есть тут отзвучивший человек не с иномаркой, а с машиной времени?

Маргарита МОХЕЛЬ.